

Примечания

¹ Поздеева Л.В. Ленд-лиз для СССР: дискуссия продолжается // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 324–333; Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои. 1941–1945 гг. М., 1997; Бутенина Н.В. Ленд-лиз. Сделка века. М., 2004; Краснов В.Н., Краснов И.В. Ленд-лиз для СССР. 1941–1945. М., 2008; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 8. М., 2014; Куманёв Г.А., Сегузетдинов Б.У. Военная экономика СССР — важнейший фактор Великой Победы (1941–1945 гг.). М., 2015.

² Быстрова И.В. СССР и США в годы Второй мировой войны: роль личных контактов в сотрудничестве // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. 2016. № 2. С. 66.

³ См., например: Стеттиниус Э.Р. Ленд-лиз — оружие для победы. М., 2000.

⁴ Быстрова И.В. СССР и США в годы Второй мировой войны... С. 67.

⁵ О переговорах Репина с Рузвельтом см.: The New York Times. 1942. February 13; The Morning Spotlight (Hastings, Nebraska). 1942. February 13; York Daily Record (York, Pennsylvania). 1942. February 13; The Minneapolis Star. 1942. February 12; The Nashville Banner. 1942. February 12; Philadelphia Inquirer. 1942. February 13; The Evening Sun (Baltimore, Maryland). 1942. February 12; Pasadena Star-News. 1942. February 13; The Sacramento Bee. 1942. February 13; The Daily News (New York). 1942. February 13; Pittsburgh Post-Gazette. 1942. February 13; The Gazette and Daily (York, Pennsylvania). 1942. February 13.

Игорь Богомолов

Журнал «Крокодил» в эпоху «оттепели»*

Igor Bogomolov

(Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Journal «Krokodil» during the «Thaw» era

DOI: 10.31857/S086956870017276-4

Журнал «Крокодил» являлся крупнейшим иллюстрированным сатирическим изданием СССР. Его карикатуры и шаржи отражали развитие общественно-политической и экономической жизни, по его публикациям можно оценивать взаимоотношения страны с внешним миром. С 1930-х гг. и по сей день этот журнал находится в центре внимания отечественных исследователей советской сатирической печати¹. Однако в зарубежной историографии он до сих пор не удостоился отдельного исследования. Восполнить этот пробел призвана монография Д. Этти «Графическая сатира в Советском Союзе. Политические карикатуры в журнале «Крокодил»», хронологические рамки которой очерчены эпохой оттепели (1954–1964). Одной

из ключевых проблем автор считает сохраняющийся и сегодня образ изучаемого издания как «острого идеологического пропагандистского оружия в geopolitической битве». Однако «пропагандистская парадигма» даёт лишь ограниченное представление о «разнообразии визуального языка «Крокодила», его идеологической сложности и различных методах производства и потребления» (р. 6). Книга призвана расширить и углубить понимание советской графической сатиры, переосмыслить влияние цензуры на неё и на печать в целом.

Восемь глав монографии выстроены по тематическому принципу, рассказывая о разных аспектах редакторской и издательской политики «Крокодила». Этти сетует, что в литературе

* Etty J. Graphic satire in the Soviet Union. Krokodil's political cartoons. Jackson: University of Mississippi Press, 2019. 266 p.

о сатирической прессе с 1930-х гг. (и «особенно с 1945 г.») укоренились две тенденции — «избирательность в отношении материалов из журнала и структуралистский подход» (р. 16). В западных исследованиях эпохи холодной войны основное внимание уделяется взаимоотношениям редакций и цензурных органов, идеологическим установкам при создании карикатур. Это оправданно, ведь такие работы «контекстуализируют анализ советской графической сатиры» и демонстрируют «влияние интеллектуального климата» на её развитие. Однако при этом, как правило, недооценивается значимость творческого процесса, редакции низводятся до беспротного исполнителя предписаний «сверху» (р. 16). Этти пытается показать упрощённость такого подхода, не учитывающего массу «полутонов» во взаимоотношениях журналов с властью.

Не менее важная проблема — недооценка самого жанра сатирической прессы, сведение её лишь к разновидности пропаганды. В большинстве зарубежных работ по советскому периоду карикатуры привлекались как иллюстративный материал, наглядно демонстрирующий, в каких направлениях развивалась пропаганда. Отсюда «крайне избирательное» использование «Крокодила» в качестве источника. Отмечается также поверхностное знакомство исследователей с редакционной политикой журнала, биографиями его авторов, взаимодействием с аудиторией. «Крокодил» — «проблемный пример», поскольку «пропагандистская парадигма также не даёт возможности объяснить популярность журнала», в неё не вписываются юмор, ирония и пародия (р. 21). Оценка историографии советской сатирической прессы и недостатки «структуролистского подхода» приведены в первой, вводной главе монографии.

Во второй главе отмечена тесная связь «Крокодила» с дореволюцион-

ной сатирической печатью. Этот очевидный тезис автор повторяет в связи с тем, что существующая литература даёт «неточное объяснение традиций, повлиявших на советскую визуальную сатиру» (р. 45). Исследователи основное внимание обращали на образы внешнего врага (стран Запада, НАТО и др.). Этот перекос создал ложное представление о «Крокодиле» как орудии пропаганды, которое с готовностью рассказывало о проблемах зарубежных стран, но замалчивало недостатки советской системы. Большевистская революция — действительно переломное событие в истории российской прессы, но она не привела к «окончательному разрыву в сатирической традиции» (р. 45). Рассматриваемый журнал не стал исключением, скорее наоборот, перенял многие приёмы, использовавшиеся карикатуристами ещё в 1905 г. Это касалось и тематического разнообразия, которое, как справедливо указывает Этти, до сих пор не вызывало большого интереса.

Анализ политической тематики проведён в третьей главе. Один из главных и наиболее интересных сюжетов — образ советского чиновника, который подвергался критике за жадность, «неподвижность, мелочное нежелание проявлять инициативу» (р. 83). В годы оттепели эта критика «имела особый политический оттенок»: преодоление культа личности означало и борьбу со «сталинской» бюрократией (р. 84). Крокодила (собирательный образ редакции журнала) изображали путешествующим по СССР, разоблачающим коррупцию, правонарушения и лицемерие. Он выступал посредником между режимом и гражданами. Карикатуры и тексты чаще всего могли трактоваться неоднозначно, создавая «двойственное видение советской культуры и политики» (р. 92).

В четвёртой главе кратко описан процесс согласования карикатур в Главлите, а также взаимоотношения редакции с властью на разных уровнях. Автор не отрицает влияния на журнал цензуры, но подчёркивает, что оно было опосредованным. Коллектив редко получал прямые указания «сверху», действуя в очерченных, но стабильных границах. Аудитория выступала «активно функционирующей частью советской медиасистемы», и «Крокодил» сделал «участие и соз创чество» читателей значимой составляющей редакционной политики (р. 123).

Пятая глава посвящена главным образом именно этому взаимодействию. Этти критически оценивает «тоталитарную концепцию» (К. Фридрих, З. Бжезинский и др.), в которой советские граждане — лишь «пассивные получатели контента средств массовой информации» (р. 125). Он замечает, что «Крокодил» «всегда был чем-то большим, чем просто журнал» (р. 126). К примеру, с февраля 1923 г. регулярно публиковалась «библиотека „Крокодила“», включавшая лучшие работы из журнала и альбомы карикатур его ведущих художников. В мае того же года организован «Живой Крокодил» — театр сатирических пьес, художественных статей, миниатюр, выступавший по всей стране. Одним из его активных участников был В.В. Маяковский. Редакция журнала «обладала значительным авторитетом», имела достаточно свободы для экспериментов и выхода за привычные рамки печатной прессы. Читатели оказались полноправными участниками этого процесса, их карикатуры и рисунки регулярно появлялись на страницах «Крокодила».

В шестой и седьмой главах Этти подробно остановился на образах советских политиков и Запада, связав эти сюжеты с проблемой цензуры и

диктата со стороны властей. Журнал включался в «политический дискурс на самом высоком уровне», так как руководство страны представляло себе капитализм в терминах и образах, «занимствованных из советской графической сатиры» (р. 156). Однако при всей изобретательности художники нечасто отклонялись от канонического изображения американского капиталиста, германского неонациста или британского империалиста. Постоянное повторение одних и тех же образов «создавало ощущение безвременья и неподвижности», а критика со временем становилась необоснованной и вымыселенной. Но скептическая сатира «Крокодила» затрагивала не только Запад, в ней проявлялось скрытое «неверие во все идеологии как средства интерпретации или руководства к повседневному существованию» (р. 159).

Не меньшую проблему представляла репрезентация советской верхушки. «Крокодил» был «искусен в визуализации оппозиции советским дискурсам», но политические лидеры СССР оставались за пределами карикатур. Это, однако, не боязнь «неправильно» изобразить лидера, но редкая для советской печати возможность избегать его упоминания. Перечисление достижений СССР (как и критика Запада) оказывалось, как правило, де-персонифицировано и поликентрично. В результате «Крокодил» представлял собой «мир, в котором не было... „главных“ фигур», а идеология почти всегда ограничивалась повседневной практикой, высвечивавшей недочёты и недостатки строительства коммунизма (р. 178).

В восьмой главе Этти показал, как журнал заставлял читателей размышлять над карикатурами и разгадывать их скрытые смыслы. Художники поднимали многие темы, актуальные для эпохи оттепели, будь то бюрократиче-

ская волокита, очереди за зарплатой, приёмка новостроек или вечный конфликт отцов и детей (р. 194, 210). Всё это делало журнал отражением советского времени, общества и идеологии (пусть оно и оказывалось искривлённым и размытым). Он представлял как «важное средство признания государством собственных проблем». Это не «механизм притворного отпущения грехов, а скорее инструкция для читателей по использованию идеологии при поиске решений проблем посредством участия и исполнения» (р. 221).

В целом работа Этти производит впечатление серьёзного и вдумчивого труда, затрагивающего важный сюжет истории советской печати. Но необходимо учитывать, что перед нами в первую очередь культурологическое исследование, сосредоточенное на образах в карикатурах «Крокодила», опускающее при этом исторический контекст и многие черты общественно-политической жизни СССР. Справедливо указав на слабую изученность редакционной политики журнала и его взаимоотношений с цензурой и властью, Этти практически не привлёк архивные источники, в первую очередь документы Главлитта, хранящиеся в ГА РФ. Справедливо замечание автора об избирательности его предшественников в привлечении материалов журнала. Однако вызывает вопросы ограничение хронологических рамок эпохой оттепели — не вполне ясно, чем эти годы выделялись в истории «Крокодила». Не показано развитие его тематики и наполнения. Как уже упоминалось, название монографии вводит в заблуждение, так как в нём не уточняется, что речь идёт главным образом о 1954—1964 гг. В откликах на книгу рецензенты справедливо указали на сложность автор-

ского стиля и его порой излишнюю увлечённость анализом отдельных карикатур². А. Вуд, к примеру, отметил, что стиль превратил книгу Этти в «одну из самых несмешных публикаций на тему политического персифляжа в печати»³. Думается, вывод историка излишне резок, так как научная монография и не обязана смешить читателя, даже если она повествует о сатире и юморе. Вероятно, рецензенты не нашли в книге того, что ждали: связной и последовательной истории «Крокодила» в советский период, учитывающей меняющийся исторический контекст. Этти, безусловно, внёс свой вклад, но полная история наиболее популярного сатирического журнала СССР всё ещё ждёт своего исследователя.

Примечания

¹ См., например: Абрамский И.П. Смех сильных. О художниках журнала «Крокодил». М., 1977; Скороходов Г.А. Сатирическая журналистика («Крокодил», «Лапоть», «Смехач», «Чудак») // Очерки истории русской советской журналистики. М., 1968; Зверева С.Н. Советская внешнеполитическая карикатура 1930-х годов. Опыт источниковедческого исследования // Источниковедческие исследования. Вып. 1. М., 2004. С. 193—218; Орлов И.Б. «Новая буржуазия» в сатире 1920-х гг. // История России XIX—XX вв.: новые источники понимания. М., 2001. С. 230—236; Киянская О.И., Фельдман Д.М. К истории советской сатирической печати 1930-х годов: журнал «Крокодил» // Вестник РГГУ. Сер. Филологические науки. Журналистика. Литературная критика. 2014. № 12. С. 71—85; Голубев А.В. Советская политическая карикатура 1920—1930-х гг. // Российская история. 2018. № 6. С. 84—102.

² Gerin A. Book review: Etty, John (2018) Graphic satire in the Soviet Union. Krokodil's political cartoons // The European Journal of Humour Research. Vol. 9. 2021. № 2. P. 180—183; Rowley A. Graphic satire in the Soviet Union: Krokodil's political cartoons. By John Etty // Slavic Review. Vol. 79. 2020. № 1. P. 228—230.

³ Wood A. Graphic satire in the Soviet Union: Krokodil's political cartoons. By John Etty // Journal of European Studies. Vol. 49. 2019. № 3—4. P. 511.